

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

ЭКРАН И ДУХИ, -1994.-27 окт. - ЗИЛДБ. - С. 2

Бедда от бедности

Бандиты нарушили покой известного режиссера. Обманом проникли в его квартиру, пытались душить, ударили его старенькую маму. Потребовали триста тысяч долларов и ушли. Напоследок пригрозив чтобы больше он в театре не появлялся. В минувшую субботу об этом сообщила «Независимая газета», а к вечеру в квартире Леонида Хейфеца, главного режиссера Театра Российской Армии, народного артиста России собралась пресс-конференция, на которой Хейфец начал с того, что обвинил «Независимую» во лжи, а закончил почти дословным пересказом уже известной по утренней заметке истории. Впрочем, не ради укорины режиссера, находившегося в ужасе и сутки спустя после происшедшего. Я пишу о случившемся снова уже не в «Независимой», а в «Экране и сцене», для читателя которой подробности нападения — не новость.

Новостей же от следствия ждать можно долго, но будет ли толк?

«Я режиссер, — сказал Леонид Хейфец, — у меня нет опыта жить под угрозой смерти. У меня нет охраны. Пока у меня кочают ученики. Но как жить дальше? Компетентные органы, побывавшие у меня вчера, посоветовали не нервничать».

Налетчики не говорили о том, что их визит как-то связан с отказом Леонида Хейфеца мстить с открывшимися ему фактами о переговорах нескольких ведущих артистов театра, кого-то из военного начальства с фирмой «Ямал», вот уже несколько лет снимающей помещения в Театре Армии, о передаче театра этой самой фирме под ночное шоу-реву «Армада» сроком на двадцать пять лет. Режиссеру не пришлось в тот момент в голову спросить: «Может, все дело в этом?». Не спросил, не до того было, когда «слегка душили», как назвал

сам Хейфец то, что с ним делали бандиты. Но и дилетанту понятно.

То есть, я не помню, в чьей именно статье было это написано, но, по-моему, мысль выражена довольно изящно: если поздно вечером у входа в гостиницу «Интурист» вы видите ярко накрашенную и довольно легкомысленно одетую девушку, которая и тому же бросается на шею во всякому встречному иностранцу, то вы не станете сомневаться по поводу причин ее столь позднего появления здесь, хотя никаких доказательств относительно ее профессии как будто бы у вас нет.

Так и в случае с нападением на главного режиссера Театра Российской Армии: доказательства никаких, кроме разве настойчиво прозвучавшей угрозы: «Не переступай порог театра». Угрозы, следовавшей незамедлительно после того, как Хейфец заявил о своем решительном несогласии с продажей театра, которому, по договору, дозволялось бы играть спектакли три дня в неделю. Нападение случилось в пятницу, а в субботу режиссер собирался выступить на художественном совете.

Все это очень страшно.

Страшно, потому что уже сегодня очевидно довольно общая схема взаимоотношений театров, музеев, библиотек с коммерческими палатками. Их пугают, чтобы как-то поправить бюджет, свести концы с концами, получить прибавку к зарплатам, позорно низким. Но не получается быть партнерами. За первой комнаткой следует вторая, за нею часть второго этажа, зрительский буфет, директорская ложа, фойе — под ночной клуб (все это — реальные помещения в реальных театрах Москвы, читателям не придется долго напрягать память, чтобы припомнить — что и где).

Наконец, приходит время, когда театр понимает: хватит. Но именно этого понимания не

хватает коммерческой палатке, уже оперившейся, переименовавшейся в банк и совместное предприятие по переплавке топоров (этим, кстати, тоже занимается в Москве реальная фирма, управляющая неходовой у нас товар в Японию). Театру тут остается только согласиться: три дня, ну, спасибо, что не два, хорошо, что совсем не выгнали. Надо уметь благодарить своих спонсоров. А этому нас, кажется, уже успели научить. Так что и не странным выглядит режиссер, торопливо выбегающий в день премьеры на сцену, чтобы, прервав аплодисменты, сказать «спасибо» добрым банкирам из Кыржополя. Спасибо, что даете, а не бьете. Пока что.

О страшной перспективе просить у коммерческой палатки права поиграть в прежде родном доме на пресс-конференции на квартире у Леонида Хейфеца говорил Михаил Швыдкой. Страшно случившееся. Но страшнее то, что это — только начало. Сколько театров в одной Москве опасно балансирует сегодня между панибратскою дружбой и смертельной схваткой с принятыми в соарендаторы (спонсоры, меценаты, партнеры) коммерсантами. Они ведь полюбили нас не за наше искусство, не за талант, даже не за шутство. За наши хорошие, доставшиеся от прежней жизни дома, особняки, дворцы. В Театре Российской Армии им приглянулись пять звезд, которые, как остряк Хрущев, и увидеть-то нельзя, разве что с самолета. Они найдут самолет, купят специально, чтобы увидеть с высоты все пять лучей этого памятника эпохи.

Что же делать, когда и пускать нельзя — выживнут потом, сживут со свету, и не пускать нельзя — не выжить без их денег? Бедность ведет к беде.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ.